

ТЕНЬ ЭПОХИ

*Римская
формула
зла*

РАЙАН ЛОУСОН

ТЕНЬ ЭПОХИ

Римская формула зла

Райан Лоусон

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ. Один урок истории	4
ЧАСТЬ I. Исторический ракурс	6
Глава 1. Римская формула: три ступени к геноциду	6
ЧАСТЬ II. Современные архитекторы ненависти	15
Глава 2. Наследники Рейха: идеологическая родословная — от Кюннета до Дворкина	15
Глава 3. «Сектоведение» как оружие: анализ кодекса Дворкина	17
Глава 4. Тоталитарная секта у власти: РАЦИРС изнутри	19
ЧАСТЬ III. Механизм преследования в XXI веке	23
Глава 5. Фаза первая: информационный террор	23
Глава 6. Фаза вторая: «экспертиза» как приговор.....	24
Глава 7. Фаза третья: от травли до крови	26
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Разорвать порочный круг	30
Источники.....	32

ВВЕДЕНИЕ

Один урок истории

Единственный урок, который можно извлечь из истории, состоит в том, что люди не извлекают из истории никаких уроков.

Георг Гегель

В глубинах истории скрыты уроки, которые западное общество не имеет права игнорировать. Веками применялась одна и та же стратегия, отточенная до смертоносной эффективности и предназначенная для подавления целых социальных групп. Этот метод безнаказанно разрушает организации, используя механизмы, ведущие к физическому устранению их членов. Название этой стратегии — **«Римская формула»**.

Это не просто фигура речи или умозрительная концепция. Благодаря работам итальянского социолога, профессора Массимо Интровинье, существование и применение этого механизма было официально признано Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в 2011 году.

«Римская формула» — ключ к пониманию того, как зарождаются и укрепляются тоталитарные режимы, как разжигается массовая ненависть, и как целые народы оказываются втянутыми в пучину репрессий и насилия. От Древнего Рима до нацистской Германии эта стратегия приводила к неописуемым человеческим страданиям и трагедиям.

Массимо Интровинье, управляющий директор Центра исследований новой религии (CESNUR), является одним из ведущих мировых экспертов в области социологии религии. Его исследования, представленные на международных научных площадках в рамках деятельности OSCE и CESNUR, документально подтвердили существование этого трёхэтапного механизма. Познавание «Римской формулы» на столь высоком уровне подчёркивает глобальную актуальность проблемы: методы, разработанные для подавления инакомыслия две тысячи лет назад, не только не устарели, но и активно адаптировались для использования в современных политических и социальных конфликтах. ¹

Для широкой публики эта технология остаётся неизвестной, но в узких кругах её рассматривают как надёжный способ дискредитации и поэтапного разрушения целых социальных групп. Формула, разработанная в Древнем Риме,

совершенствовалась веками: ее использовали против ранних христиан, во времена «святой» инквизиции и при фашистском режиме нацистской Германии. Стратегия универсальна: она не связана с одной эпохой и действует через уязвимости психики и общественных институтов.

Она позволяет манипуляторам воспитывать в обществе недовольство, страх и настороженность по отношению к заранее выбранной цели, превращая её в козла отпущения. Можно было бы надеяться, что это — лишь отголоски далёкого прошлого. Но что, если это не так? Что, если эта древняя, отточенная сила применяется и сегодня, в XXI веке, с пугающей эффективностью и ещё более разрушительными последствиями?

Инструменты, которые когда-то ограничивались сплетнями на рыночных площадях и грубыми карикатурами, сегодня заменены глобальными медиа, социальными сетями и продвинутыми технологиями психологического воздействия. Последствия этих методов продолжают сказываться на нас — и нам жизненно необходимо уметь распознавать их действие, прежде чем они породят новые, ещё более страшные трагедии.

Это расследование задаёт главный вопрос: как именно эта древняя методика применяется сегодня для дестабилизации обществ, развязывания конфликтов и организации актов насилия? И, что ещё важнее, кто стоит за её современным применением — какие силы или группы заинтересованы в повторном запуске этого разрушительного механизма? Ответы на эти вопросы могут оказаться гораздо более тревожными, чем мы себе представляем. История повторяется только тогда, когда люди позволяют ей повториться. Понимание сути этих процессов даёт возможность противостоять их последствиям, тогда как незнание делает нас уязвимыми перед теми, кто уже сегодня влияет на наше будущее.

ЧАСТЬ I.

Исторический ракурс

Глава 1. Римская формула: три ступени к геноциду

Нетерпимость — Дискриминация — Преследование

Геноцид никогда не бывает спонтанным. Это не внезапная вспышка иррациональной жестокости, а конечный результат тщательно спланированного и поэтапно реализованного процесса. «Римская формула» — тот самый исторический чертёж, технологическая карта, ведущая от общественного недовольства к массовым убийствам. Она состоит из трёх последовательных фаз: нетерпимость, дискриминация и преследование. Каждый этап подготавливает почву для следующего, постепенно обезчеловечивая целевую группу в глазах общества и делая возможным то, что ещё вчера казалось немыслимым. Этот процесс подобен медленно действующему яду: сначала он отравляет умы, затем парализует правовую систему и, наконец, убивает тело.

Чтобы понять, как работает этот механизм, достаточно взглянуть на два самых тревожных и хорошо задокументированных примера его применения.

Первые жертвы: христиане в Римской империи

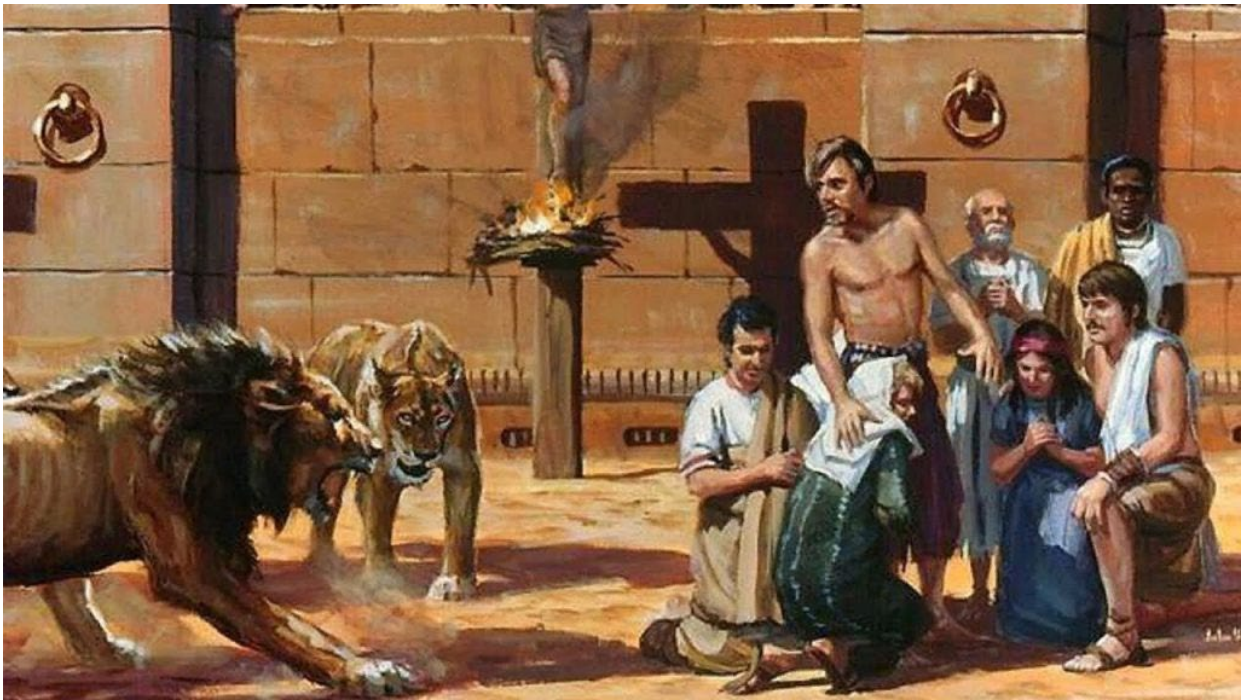
Ранние христиане стали одними из первых, на ком Римская империя отточила эту смертоносную схему. Процесс их уничтожения был методичным и полностью укладывался в три стадии формулы. Для могущественной державы, чья стабильность опиралась на единство культа и безусловное подчинение власти, появление группы, отказывавшейся признавать императора богом, было не просто религиозным разногласием, а прямой политической угрозой.

Первая ступень — нетерпимость. Всё началось с конструирования негативного образа. Христиан объявляли врагами государства. Власти и ангажированные ораторы распространяли наиболее абсурдные и зловещие слухи: будто христиане практикуют каннибализм, поедая на тайных собраниях младенцев; будто их «агапы» — прикрытие для разврата; их называли «атеистами» за отказ поклоняться римскому пантеону, что якобы навлекло на империю эпидемии, засухи и поражения в войнах. Их обвиняли в заговорах с целью свержения власти и разрушения порядка. Эта клеветническая кампания — через

публичные выступления, памфлеты и городскую молву — сформировала в глазах граждан образ чудовищного, аморального и опасного врага, которого надлежит бояться и ненавидеть. Христиане стали универсальным объяснением любых бед.

Вторая ступень — дискриминация. Когда почва была подготовлена и общественное мнение пропиталось страхом, последовало юридическое закрепление предубеждения. Христиан стали систематически вытеснять из общественной жизни: им запрещали занимать должности, служить в легионах, участвовать в обрядах и ритуалах, тесно спаянных с гражданскими практиками. Их лишали базовых прав, превращая во «второй сорт». Издавались эдикты, обязывавшие всех граждан приносить жертвы римским богам — для христиан это означало отречение от веры. Отказ автоматически ставил их вне закона. Дискриминация на уровне законодательства легитимизировала ненависть, сделала её нормой и создала правовую основу для более жестоких действий. Лишённый прав человек переставал быть полноправным членом общества и становился объектом произвола.

Третья ступень — преследование. Финальная фаза стала апофеозом жестокости. Заклеймённые как «враги человечества» и лишённые защиты закона, христиане подвергались массовым репрессиям, масштаб которых зависел от императора и провинции. Их бросали на арены Колизея на растерзание зверям, превращая казни в зрелище; распинали в назидание другим; сжигали заживо, используя как живые факелы; подвергали изощрённым пыткам, добиваясь отречения от веры. Эти убийства, совершавшиеся при одобрительном ропоте толпы, стали логическим завершением процесса дегуманизации, запущенного на первом этапе. Когда человек перестаёт видеть в другом человека, зверства кажутся оправданными.

Картина «Христианские мученики в Колизее» наглядно иллюстрирует заключительную стадию «Римской формулы», когда систематическая клевета и дискриминация приводят к публичным казням.

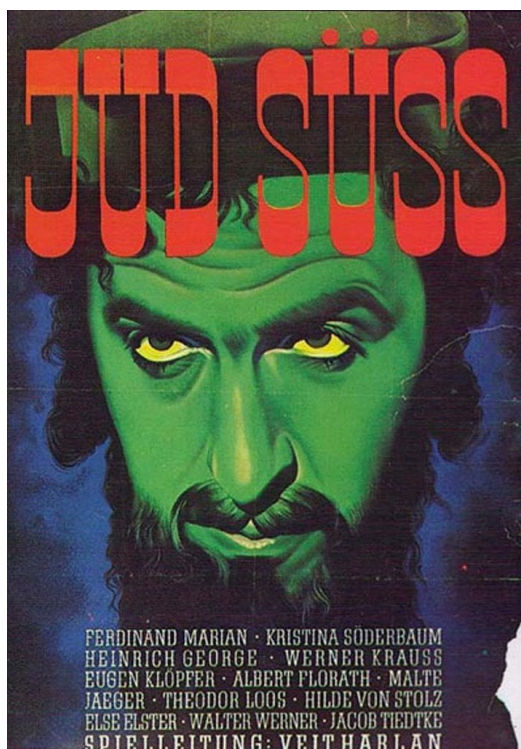
История гонений на христиан — хрестоматийный пример того, как создаётся образ врага и как общество постепенно подводит к принятию и даже одобрению насилия. Это урок о том, как легко манипулировать страхами и предрассудками, чтобы оправдать немыслимую жестокость.

Немецкая точность: евреи в нацистской Германии

Спустя почти два тысячелетия нацистская Германия применила ту же «Римскую формулу» — но уже с педантичностью и техническими возможностями XX века. Это привело к одному из самых ужасающих преступлений в истории — Холокосту. Трёхступенчатая стратегия была реализована с леденящей душу практичностью, превратившей целую нацию в соучастника геноцида.

Первая ступень — нетерпимость. Нацисты развернули беспрецедентную пропагандистскую кампанию по конструированию и насаждению образа еврейского врага. Под руководством рейхсминистра пропаганды Йозефа Геббельса запускалась «машина ненависти»: газеты (вроде *Der Stürmer*) публиковали карикатуры, изображавшие евреев как уродливых и зловредных существ; радио ежедневно транслировало речи, обвинявшие их во всех экономических и

социальных бедах Германии — от последствий Великой депрессии до «угрозы мировой войны». Кинематограф стал особенно мощным инструментом. Вершиной стала картина «Еврей Зюсс» (1940г.), где евреи изображались как опасные и коварные персонажи, угрожающие «чистоте» немецкого общества. Фильм посмотрели миллионы — не только в Германии. Для многих он стал «доказательством», что евреи шпионят, охотятся за детьми и замышляют убийства. Пропаганда создала параллельную реальность, в которой ненависть к евреям воспринималась не пороком, а гражданским долгом.

Пропагандистский плакат к фильму «Еврей Зюсс» стал одним из ключевых инструментов разжигания антисемитской истерии.

Вторая ступень — дискриминация. Внедрив образ врага в массовое сознание, нацисты перешли к правовым ограничениям. В 1935 году были приняты Нюрнбергские расовые законы, лишившие евреев гражданства и гражданских прав — юридический фундамент апартеида. Евреев увольняли с государственной службы, из университетов и армии; им запрещали целые профессиональные сферы — медицину, юриспруденцию, журналистику. Их бизнесы подвергались «ариизации» — насильственной передаче «арийцам». Их исключали из общественной жизни, запрещали браки и интимные отношения с «арийцами». Еврейским детям закрывали двери в немецкие школы. Послевоенные

исследования показывают, что значительная часть немецкого общества приняла эти меры, а пропаганда убедила граждан, что евреи — реальная угроза их благополучию. Доносительство на соседей стало обыденной практикой. Так экстремистская риторика превратила дискриминацию в «норму».

Схема, иллюстрирующая Нюрнбергские расовые законы 1935 года

Нюрнбергские законы стали правовым фундаментом сегрегации и предпосылкой к физическому уничтожению.

Третья ступень — преследование. После юридической изоляции последовал призыв к «окончательным» мерам: Заключительный этап, начался с обращения нацистских чиновников к гражданам: «Заметьте, мы приняли законы, но, к сожалению, проблема не решена. Люди, угрожающие вашему благополучию, никуда не делись. Да, они не работают в полиции, не работают в больницах, но эти

люди очень хитры. Как вы понимаете, они по-прежнему представляют опасность для вашего благополучия». Это привело к случаям самосуда и нападениям на евреев. ¹

Погромы участились: били витрины еврейских магазинов, нападали на владельцев. Многие акции организовывали штурмовые отряды СА и спецслужбы, хотя внешне они выглядели «стихийными». Кульминацией стала «Хрустальная ночь» 9-10 ноября 1938 года: по всей Германии и Австрии сожжены и разрушены сотни синагог, разграблены тысячи магазинов и домов, убиты десятки людей, около 30 000 арестованы и отправлены в первые концлагеря.

Последствия «Хрустальной ночи»

Вдобавок нацисты ввели обязательное ношение желтых звезд, которые всегда должны были нашивать на свою одежду. Эти знаки отличия превратили их в живые мишени, сделав легкой добычей для преследователей на улицах и визуально отделяя их от остального общества, завершая процесс их отчуждения.

В нацистской Германии евреи были обязаны нашивать на одежду жёлтую звезду

Жёлтая звезда — символическая сегрегация и дегуманизация, последний шаг перед массовым уничтожением.

Конечным итогом стал Холокост — систематическое государственное уничтожение шести миллионов евреев. Режим выстроил промышленную инфраструктуру смерти: сеть концентрационных и лагерей уничтожения — Аушвиц, Трешлинка, Дахау и другие — где людей массово убивали в газовых камерах, расстреливали, морили голодом и доводили до смерти истязаниями. Эта катастрофа — мрачное свидетельство того, к чему приводит применение «Римской формулы».

Концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау

Лагерь смерти Аушвиц — символическая вершина бесчеловечности, к которой приводит «Римская формула».

Может показаться, что общество «всегда» боролось с теми, кто казался нежелательным. Такое впечатление возникает от привычки объяснять прошлое «историческими обстоятельствами», под прикрытием которых одна группа начинает истребление другой. Это делается под благовидными предлогами, при активной поддержке общества; исполнители искренне верят, что творят «богоугодное дело», нарушая при этом фундаментальную заповедь «Не убий». Так, благодаря особенностям массовой психологии и гениально простой, но страшно эффективной «Римской формуле», возникают войны и тирании.

Гегель был прав: мы мало учимся у истории. Иначе как объяснить, что сегодня, у нас на глазах, по всему миру воспроизводятся те же методы — через манипуляции и дезинформацию, посев страха, давление на институты, дискриминацию и разжигание преследований? Эти два исторических примера — не просто страницы из учебников. Это вечное предупреждение. Они доказывают: путь к геноциду вымощен не внезапной ненавистью, а спланированной, методичной и последовательной работой по расчеловечиванию. И первый шаг на

этом пути — всегда слово. Слово, которое демонизирует. Слово, которое разделяет. Слово, которое убивает.

ЧАСТЬ II.

Современные архитекторы ненависти

Глава 2. Наследники Рейха: идеологическая родословная — от Кюннета до Дворкина

«Римская формула» не канула в Лету вместе с падением Третьего Рейха. Её смертоносный механизм не был разобран и сдан в архив истории. Напротив, он был тщательно сохранён, адаптирован к новым реалиям и передан следующим поколениям идеологов. Речь не о простой исторической параллели, а о документально прослеживаемой идейной преемственности. Расследование этой цепочки ведёт нас от теологов нацистской Германии к современным «борцам с сектами», действующим по всему миру, включая Россию.

Ключевой фигурой, обеспечившей эту преемственность, был Вальтер Кюннет (1901-1997) — влиятельный протестантский пастор и теолог времён нацистской Германии. Кюннет не был рядовым священнослужителем: он представлял ту часть немецкой церкви, которая активно поддерживала режим Гитлера и искала теологическое оправдание его политики. Он продвигал идеи, фактически защищавшие агрессивную политику нацистов и их репрессии против «врагов Рейха». Он — один из тех, кто прикрывал преступления режима риторикой «национальной политики» и «цивилизационных ценностей». Его язык, направленный на дегуманизацию противников — сначала коммунистов, а позже и членов «Исповедующей церкви», выступивших против нацификации протестантизма, — стал идеологическим фундаментом для тех, кто шёл по его стопам. Он умел упаковать революционную риторику в форму богословских трактатов и патриотических призывов.

После Второй мировой войны казалось, что нацистская идеология была побеждена. Однако её методы и подходы продолжили существовать, получив развитие в новых условиях. Двумя фигурами, которые перенесли часть этого наследия в послевоенное время, стали Фридрих Вильгельм Хаак (1935-1991) в Германии и Йоханнес Огорд (1928-2007) в Дании.

Они стали пионерами послевоенной «борьбы с культами». Поняв, что открыто использовать нацистскую риторику уже невозможно, они применили тонкую подмену. Объектом политики, вместо евреев, коммунистов и прочих «врагов»,

сделали «новые религиозные движения», которые они окрестили зловещим термином «тоталитарные секты». Хаак и Огорд начали выстраивать международную антикультовую сеть, сформировали архивы компрометирующих материалов и методов, представлявшие собой, по сути, репродукцию пропагандистских и репрессивных тактик Третьего Рейха — но в новой упаковке. Они научились использовать страхи общества, манипулировать СМИ и давить на государственные структуры, добиваясь преследования неудобных групп. Фокус сместился с «расовой чистоты» на борьбу за «общественную безопасность», «психическое здоровье» и «защиту семьи», однако ключевые технологии остались прежними: создание образа врага, его дегуманизация и призыв к нейтрализации.

Именно это знание унаследовал Александр Леонидович Дворкин, ставший центральной фигурой современного антикультового движения не только в России, но и за ее пределами. Связь между ними — не домыслы, а зафиксированные факты.

Переломным моментом в российской истории стал судебный процесс 1997 года. Дворкин, обвинённый в клевете и разжигании предубеждений в отношении одной из организаций, выстроил защиту на одном из ключевых аргументов: он заявлял, что не изобрёл ничего нового, а опирался на достоверную информацию и авторитетные материалы, полученные от зарубежных коллег, в частности от Йоханнеса Огорда — тем самым признав импорт технологий, разработанных наследниками нацистских идеологий.

Дворкин выиграл этот процесс, спрятавшись за спину высшего духовенства РПЦ. Победа не только придала легитимности его деятельности в глазах части общества и властных структур, но и открыла ящик Пандоры. В том же 1997 году в России был принят новый федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», который ужесточил требования к регистрации и деятельности многих организаций, особенно «новых» религиозных объединений. Этот закон создал правовые основания, которые антикультисты сумели использовать как инструмент давления. Для наследников Кюннета это был торжественный триумф: методы, рождавшиеся в недрах нацистской идеологии, обрели юридическую силу на российской земле.

Таким образом, прослеживается чёткая и непрерывная цепь преемственности:

- Вальтер Кюннет и другие теологи Третьего Рейха формировали и апробировали методы идеологической войны и дегуманизации «врага», придавая им вид респектабельной богословской аргументации.

•Фридрих Хаак и Йоханнес Огорд адаптировали эти методы под послевоенную «борьбу с сектами», создали международные сети, базы данных и усовершенствовали терминологию для старой политики.

•Александр Дворкин перенёс эти технологии в постсоветскую Россию: получил доступ к архивам, заручился поддержкой зарубежных коллег, РПЦ и государственных структур, и успешно лоббировал репрессивные законодательные инициативы.

«Римская формула» не была забыта — она была сохранена и маскировалась под «научное сектоведение», передаваясь по цепочке влияния. Её энергичным и влиятельным носителем в современной России стал Александр Дворкин, применявший эти приёмы в новых условиях. Именно поэтому методы современных антикультистов пугающе напоминают пропаганду 1930-х годов: это не случайное сходство, а прямая наследственная линия. Чтобы понять масштабы текущей угрозы, необходимо подробно изучить главное оружие её российского адепта — книгу, ставшую своего рода кодексом для преследователей целого поколения.

Глава 3. «Сектоведение» как оружие: анализ кодекса Дворкина

Учебник революции

Если у нацистской пропаганды была своя «библия силы» в виде *Mein Kampf*, то у современного антикультового движения в России — свой аналог. Это книга Александра Дворкина «Сектоведение. Тоталитарные секты». На первый взгляд — научный труд, академическое исследование со ссылками и претензией на объективность. Но под обложкой респектабельности скрывается практическое руководство по реализации первого этапа «Римской формулы». Это учебник по созданию нетерпимости, рассчитанный на воздействие общественного сознания и подготовку почвы для преследований.

Выводы независимой юридико-лингвистической экспертизы текста, проведённой квалифицированными специалистами, не оставляют сомнений в его истинном назначении. ²

В книге целенаправленно используется уничижительная лексика, изощрённые манипулятивные приёмы и психологические уловки, ведущие к одной

цели — разжиганию вражды к целым группам людей на основании их религиозных убеждений. Это не аналитическое исследование, а обвинение — вынесенное без суда.

Механизм, применяемый Дворкиным, прост и, к сожалению, чрезвычайно эффективен. Он опирается на три основных приёма.

Во-первых, формирование обобщённого «образа врага». Дворкин смешивает совершенно разные традиции и движения — от древних восточных учений до современных христианских конфессий — вырывает их из исторического и культурного контекстов и сводит под единый уничижительный ярлык «тоталитарная секта». Характерен пример с отдельными движениями индуистского происхождения: многоаспектные духовные традиции с миллионами последователей представлены им преимущественно как агрессивные, экспансионистские силы, противостоящие христианству. Для этого используются определения вроде «язычество», «религия Антихриста», «демонизм». Сложные богословские системы сводятся к упрощённой карикатуре, удобной для демонизации и борьбы.

Во-вторых, систематическая очернительная стратегия. Дворкин не ограничивается критикой учений; он регулярно утверждает, что за фасадом религиозности, духовных практик и благотворительности скрываются корыстные мотивы, обман и готовность к преступлениям. В главах о Свидетелях Иеговы или о последователях Международного общества сознания Кришны он рисует образ людей, якобы готовых на любое преступление ради своих целей. Для усиления эффекта применяется «стратегия выборочного цитирования»: берутся неоднозначные фразы из священных текстов или высказываний основателей, вырываются из контекста и интерпретируются в максимально негативном ключе. Классический приём пропаганды — частный случай выдают за правило, а любое высказывание трактуется как доказательство злого умысла.

В-третьих, прямая дегуманизация. Дворкин не только спорит с идеями — он оскорбляет людей. Последователи описываются через низменные мотивы: личная несостоятельность, озлобленность, психическая нестабильность, инфантилизм. Им приписываются эпитеты вроде «зомби», «марионетки», «жертвы контроля сознания». Через такую риторику люди перестают восприниматься как равные субъекты с правом на убеждения — они превращаются в «неполноценных» и «аморальных» существ, с которыми разрешён лишь подавляющий конфликт, а не диалог.

Вершиной цинизма является само описание оснований «тоталитарных сект», приведённое автором. Этот фрагмент раскрывает логику, в которой «цель оправдывает средства», и где якобы повсеместна «двойная мораль»: если члены организации убеждены в праведности своей цели, они, по мнению автора, не колеблясь будут лгать, воровать, обманывать и даже применять физическое насилие против тех, кого сочтут нежелательными. Это описание — не только логическая схема для обвинений; в нём содержится точное определение типа организационной дисциплины и подчинения, которое автор применяет по отношению к тем, кого он сам же именует «тоталитарными».

По свидетельствам людей, знакомых с этой структурой изнутри, Российские центры изучения религий и сект (РАЦИРС) действительно действуют как централизованная организация с жёсткой дисциплиной и культом лидера. Под прикрытием «защиты духовной безопасности» используются приёмы, которые включают ложь в СМИ, манипуляции с экспертизами, давление на судебные инстанции и фабрикацию уголовных дел — весь этот набор инструментов оперативно применяется сетью, связанной с Дворкиным.

Книга «Сектоведение» — не научный труд, а обвинительное заключение, вынесенное без суда. Это идеологическое оружие, разработанное для активации «Римской формулы»: создание врага, легитимизация ненависти к нему и оправдание борьбы. Практическую реализацию этого перехода от нетерпимости к институциональному преследованию берут на себя организации, выстроенные и действующие в соответствии с логикой, подробно изложенной её лидером.

Глава 4. Тоталитарная секта у власти: РАЦИРС изнутри

Исповедь бывшего сотрудника

Теория ненависти, изложенная в «Сектоведение», была бы пустой декларацией без аппарата, способного воплотить её в жизнь. Этим аппаратом стала Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС) — организация, созданная и бессменно возглавляемая Александром Дворкиным. Чтобы понять её истинную сущность, не нужны догадки или интерпретации. Достаточно обратиться к свидетельствам людей, которые находились внутри системы и видели её работу не со стороны. Одним из таких голосов стал журналист и бывший сотрудник РАЦИРС Валерий Отставных. В откровенном интервью после

разрыва с организацией он рассказал, как устроена эта структура изнутри. Его слова рисуют картину не научного центра и не общественного союза, а идеологической полиции — внутренней службы безопасности, действующей с беспощадной точностью по отношению к тем, кого она объявляет «врагами».

По словам Отставных, в РАЦИРС объективность и беспристрастность не просто не приветствуются — они считаются пороком, признаком «либерализма» и идейной слабости. Главная цель — вовсе не изучение религиозных движений, а борьба с так называемыми «сектами». Это боевое подразделение, действующее под крышей Русской Православной Церкви. Членство требует абсолютной лояльности и готовности к безжалостным действиям. Методы РАЦИРС больше напоминают арсенал спецслужб, чем деятельность общественной организации.³

Тотальный сбор информации

Одной из ключевых задач, как рассказывает Отставных, является создание всеобщей «миссионерской карты» России. Сотрудники РАЦИРС и связанные с ними миссионерские отделы в епархиях методично собирают детальную информацию о религиозных общинах. Речь идёт не только о вероучении и составе прихожан. Слежка охватывает даже бытовые детали: как выглядит дом пастора, какая у него машина, что стоит на его балконе, какое бельё там сушится. Внимание уделяется родственникам, детям, активным прихожанам.³

Такая дотошность, которую руководители хвалят как «служебную ревность» и «высокую духовную бдительность», в действительности является разведывательной деятельностью — созданием базы данных для потенциальных репрессий.

Внедрение агентов под прикрытием

Ещё один метод — тайная агентура. Люди, завербованные РАЦИРС, под видом «ищущих истину» или «интересующихся» проникают в религиозные группы. Они знакомятся с членами общин, вступают в переписку, ходят на богослужения, записываются на курсы, собирают списки прихожан и финансовые данные, узнают планы и внутренние конфликты. Многие общины даже не подозревают, что общаются с агентами антикультовой сети. Это классическая шпионская работа, рассчитанная на подрыв изнутри.

«Секретные свидетели»

Собранные данные затем используются для фабрикаций административных и уголовных дел. Одним из самых мрачных инструментов становится институт так называемых «секретных свидетелей». Во многих уголовных делах против Свидетелей Иеговы и других запрещённых групп показания таких анонимных людей становятся ключевыми доказательствами. 4

Личность свидетеля скрыта от защиты: он говорит по видеосвязи, с изменённым голосом, иногда через экран-силуэт. Часто это либо сотрудники правоохранительных органов, либо активисты РАЦИРС, либо «эксперты», связанные с организацией.

Эти показания редко имеют отношение к реальным фактам — их задача оправдать заранее сформулированное обвинение в «экстремизме». Суд в большинстве случаев принимает их без критической оценки, превращая правосудие в формальность и легализуя результаты тайных операций.

Административное давление

РАЦИРС не ограничивается сбором компромата. Организация использует свои тесные связи с Русской православной церковью и, в частности, с миссионерскими отделами епархий, которые обычно входят в состав РАЦИРС. Эти отношения позволяют ей оказывать влияние на органы власти от муниципального уровня до федерального. По словам Отставных, визиты Дворкина в регионы превращаются в показательные акции: местных чиновников, силовиков, студентов и так далее обязуют явиться на встречи. Отказ невозможен — «приглашение» приходит с благословением, к примеру местного митрополита. 3

Таким образом Дворкин демонстрирует влияние и вседозволенность. О масштабах влияния говорит фраза покойного протоиерея Дмитрия Смирнова, одного из идеологов антикультизма:

«Мы их наняли, понимаете. Они служащие наши». 5

Эти слова — концентрат мировоззрения РАЦИРС: власть рассматривается не как партнёр, а как инструмент.

Что открывает исповедь

Исповедь бывшего сотрудника снимает маску с РАЦИРС. Перед нами — не центр религиозоведческих исследований, а репрессивный механизм, работающий на

практике по второй и третьей стадиям «Римской формулы»: дискриминация и преследование.

Под руководством Дворкина создана структура, которая: систематически собирает компромат, внедряет агентуру, фабрикует уголовные дела, использует административный ресурс, оказывает давление на суды и следствие.

Это и есть та самая мафиозная структура с жёсткой дисциплиной и беспрекословным подчинением, о которой Дворкин описывает в своей книге — только применительно к другим. Разница в том, что цель этой структуры не только личное обогащение, а прежде всего идеологическая чистка: устранение инакомыслия под лозунгом «духовной безопасности».

РАЦИРС стала тоталитарной сектой у власти, превратив антикультизм из маргинального движения в отлаженную индустрию репрессий.

ЧАСТЬ III.

Механизм преследования в XXI веке

Глава 5. Фаза первая: информационный террор

Криминогенное влияние СМИ

Первый шаг «Римской формулы» — нетерпимость — в XXI веке обрёл самое мощное оружие: СМИ и интернет. Пропаганда перестала быть локальной, ограниченной тиражом или мощностью передатчика, и стала глобальной, мгновенной и всепроникающей. Современные антикультовые структуры используют медиа не для честной критики или выражения мнений, а для ведения полноценного информационного террора. Его цель — не вести полемику с оппонентом, а уничтожить его репутацию; создать атмосферу страха и нестабильности; дискредитировать институты, защищающие права и верховенство закона; в конечном счёте — спровоцировать реальное насилие.

Механизм этого процесса хорошо прослеживается на примере журналистских кампаний, связанных с международными антикультовыми сетями. Один из таких примеров зарубежной журналистки Кристины Цироковой, связанной с антикультовыми кругами Карлового университета в Праге. После трагической стрельбы в университете в декабре 2023 года Цирокова развернула масштабную медийную кампанию: за год она стала автором или соавтором нескольких десятков материалов по этой теме. Анализ публикаций показывает не объективное журналистское расследование, а целенаправленную стратегию дискредитации государственных и конституционных институтов Чехии: провокационная риторика, необоснованные обвинения в некомпетентности полиции и властей, язвительные пассажи, подрывающие доверие к государственным институтам. Такая тактика — классический приём гибридной войны: посеять хаос и недоверие, чтобы ослабить государство изнутри.

Подобная деятельность — не безобидное выражение свободы слова. С точки зрения криминологии это криминогенное влияние: формирование информационной среды, прямо или косвенно способствующей совершению преступлений. История XX века многократно доказала прямую и смертоносную связь между разжигающими кампаниями в СМИ и реальным кровопролитием. Радио «Тысячи холмов» в Руанде призывало к расправам — и люди брали в руки

мачете. Газета *Der Stürmer* демонизировала «врага» — и это завершилось газовыми камерами.

Эта логика проявилась в мае 2024 года в соседней Словакии, когда было совершено покушение на премьер-министра Роберта Фицо. Нападавший, 71-летний писатель Юрай Цинтула, произнёс после задержания слова, отражающие те мотивы и установки, которые формировались в общественном дискурсе на протяжении длительного времени.

Телеканал Markíza сообщил о коротком видеоролике с подозреваемым, опубликованном вскоре после его ареста. В видеоролике он говорит: «Я не согласен с политикой правительства. Почему СМИ подвергаются нападкам? Почему RTVS подвергается нападкам?»⁶

Эти слова — не случайный выкрик, а зеркалирование информационного фона, годами раздуваемого ангажированными медиа и политиками. Антикультовые агенты, действующие в медиапространстве Чехии и Словакии, длительное время вели психологическую обработку аудитории, используя приёмы информационного программирования и методы дегуманизации. Риторика, клеймившая Фицо и его кабинет «пророссийскими» и «подрывающими демократию», опиралась на сильные психоэмоциональные триггеры, доводя часть аудитории до предельной агрессии. Для людей с неустойчивой психикой этого оказалось достаточно, чтобы перейти к насилию — искренне веря, что они «спасают демократию» от навязанного медиа-образа «тирана».

Так работает современная машина нетерпимости. Она начинается не с прямого призыва к насилию. Она начинается с систематического подрыва доверия к власти, с насмешек над государственными институтами, с создания образа «врага», будь то политик, чиновник или целая социальная или религиозная группа. Когда массовое сознание подготовлено, неизбежно находятся люди, готовые действовать. Они уверены, что совершают подвиг, защищая общество от угроз, нарисованных на экранах и в лентах новостей.

Информационный террор — не метафора. Это первый и, возможно, ключевой этап на пути к крови: он готовит общественное мнение к принятию насилия как необходимого и даже «справедливого».

Глава 6. Фаза вторая: «экспертиза» как приговор

Псевдонаука на службе репрессий

Когда в обществе закреплён образ врага, созданный информационным террором, машина переходит ко второй фазе «Римской формулы» — дискриминации. В современном мире она реализуется не через откровенно расовые законы, как в нацистской Германии, а посредством более изощрённого и внешне легитимного инструмента — псевдонаучных «экспертных заключений». Тексты, написанные наукообразным языком, с ссылками на вырванные из контекста цитаты и подписями людей с учёными степенями, становятся юридическими опорами для расправ: запрета организаций, признания священных книг «экстремистскими», лишения людей базовых прав. «Экспертиза» превращается в оружие, а «эксперт» — в интеллектуального пособника палача.

Один из показательных примеров — процесс в Томске 2011–2012 годов о запрете священного индуистского текста «Бхагавад-гита, как она есть». Инициатором выступила прокуратура, опиравшаяся на «комплексное экспертное заключение» специалистов Томского госуниверситета. Эта «экспертиза» стала образцом второй фазы «Римской формулы» — облечения предубеждения в форму «научного документа». Вместо объективного религиоведческого и лингвистического анализа авторы прибегали к подтасовкам и манипуляциям, утверждая, что в книге, почитаемой сотнями миллионов людей, пропагандируются «враждебность к инакомыслящим» и «агрессивные, разрушительные действия». Текст был насыщен уничижительной лексикой в адрес мировой религии — ровно по методичкам антикультистов по конструированию отрицательного образа. Фактически «эксперты», присвоив себе роль инквизиторов, вынесли «приговор» целому учению.⁷

Случай вызвал широкий резонанс в России и в Индии, спровоцировал дипломатический скандал и обсуждение в парламенте Индии. Лишь под давлением общественного возмущения и дипломатических протестов суд отказал прокуратуре. Но сам факт показал, насколько легко псевдонаука используется для легитимации преследований: подпись «эксперта» под сфабрикованным заключением превращается для прокурора и суда в удобный инструмент, позволяющий объявить священный текст «экстремистским».

Псевдоэкспертиза применяется не только для запрета книг. Она становится фундаментом репрессивных инициатив, переводящих дискриминацию на государственный уровень. Так, в периоды политических кризисов — в 2004 году («Оранжевая революция») и в 2013 году («Евромайдан») — в Украине

активизировались попытки протолкнуть «антисектантские» законы: ввести понятие «деструктивный культ» и расширить полномочия власти по ограничению их деятельности. Украинский религиовед, доктор философских наук Людмила Филиппович в 2020 году прямо увязывала эти попытки с логикой гибридной войны, указывая на «очевидную руку Москвы». По её наблюдению, как только обострялись внутривойсковые проблемы, заинтересованные структуры пытались отвлечь общество, переключая его на «борьбу с сектами». ⁸

Такова суть второй фазы: ненависть, посеянная на первом этапе, кристаллизуется в форме законов, судебных решений и «экспертных заключений». Эти документы легитимизируют дискриминацию, делают её нормой, закрепляют репрессивную правоприменительную практику и открывают путь к финальной, самой жестокой стадии — преследованию.

Глава 7. Фаза третья: от травли до крови

Уроки Уэйко и Китая

Финальный этап «Римской формулы» — преследование. Это точка невозврата, когда созданный пропагандой образ врага и узаконенная на бумаге дискриминация приводят к открытому насилию, массовым арестам, пыткам и убийствам. Слова ненависти материализуются в реальных страданиях и смерти. Конец XX — начало XXI века дают два страшных примера, показывающих, как безотказно работает этот механизм: трагедия в Уэйко (США) — образец стремительной и жестокой расправы, и продолжающиеся репрессии против последователей Фалуньгун в Китае — пример систематического террора, растянутого на годы.

Осада в Уэйко: смерть в прямом эфире

События весны 1993 года в Уэйко, штат Техас, стали одним из самых тёмных пятен в новейшей истории США, серьёзно подорвав доверие части общества к собственному государству. Это была не «неудачная операция», а кульминация многолетней антикультовой кампании против религиозной общины «Ветвь Давидова».

Община, ответвление адвентистов седьмого дня, почти 60 лет мирно жила на ранчо «Гора Кармел». За несколько лет до трагедии антикультовые структуры при

активном участии СМИ превратили её в глазах общества в «опасный деструктивный культ». Пошли статьи с бездоказательными историями о тайном арсенале, жестоком обращении с детьми, многожёнстве и подготовке к массовому преступлению. Эта дезинформационная кампания создала атмосферу моральной паники. Образ «безумных сектантов», ведомых «опасным» лидером Дэвидом Корешем, прочно закрепился в массовом сознании — и стал моральным и политическим оправданием силового сценария.

51-дневная осада ранчо, осуществлявшаяся Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (АТФ), а затем ФБР, шла в прямом эфире. 19 апреля 1993 года начался штурм с применением бронетехники и слезоточивого газа. Вскоре вспыхнул пожар, охвативший деревянные постройки комплекса. В результате осады погибли 82 человека, включая лидера общины и более двадцати детей.

Ранчо «Маунт Кармел» в огне. Уэйко, 1993 год

Для международных антикультовых сетей Уэйко стал «эталоном» успешной карательной операции: демонстрацией того, как демонизация и изоляция подводят общество к принятию «окончательных мер». Виновными объявили «фанатиков», а истинные подстрекатели остались в тени. «Римская формула» сработала безукоризненно: сначала демонизация, затем юридическая изоляция и, наконец, физическое уничтожение.

Фалуныгун в Китае: конвейер смерти

Если Уэйко — точечный, но предельно жестокий акт, то кампания против Фалуныгун в Китае — пример системного институционализированного террора, реализованного в масштабах всего общества.

Фалуныгун (Фалунь Дафа) — традиционная практика с медитацией и упражнениями цигун. В 1990-е годы она приобрела огромную популярность: по данным самих китайских властей, к 1999 году число последователей достигало десятков миллионов. Руководство Коммунистической партии Китая увидело в независимом, идеологически не подконтрольном движении вызов монополии партии.

Далее «Римская формула» была развернута во всей жестокости: мгновенная демонизация в госпропаганде («еретическое учение», «зловещий культ», «угроза стабильности»), за ней — массовые задержания. По оценкам правозащитных организаций, сотни тысяч людей без суда отправляли в тюрьмы, лагеря и «центры перевоспитания», где применялись пытки, принудительное «переучивание» и психологическое давление, чтобы сломать убеждения. В 2006 году появились свидетельства о создании системой насильственного изъятия органов у заключённых последователей Фалуныгун для нужд трансплантации.⁹

Расследования, проведённые канадскими правозащитниками Дэвидом Килгуром и Дэвидом Мэйтасом, представили материалы, указывающие на наличие масштабной системы насильственного изъятия органов у заключённых последователей Фалуныгун. Мир столкнулся с описанием практики, в которой людей, объявленных «врагами государства», использовали как живой «банк органов».¹⁰

Плакат, призывающий к ответственности за насильственное извлечение органов в Китае

«Беспрецедентное злодеяние» страны: призывают к уголовной ответственности за насильственное извлечение органов.

Репрессии против Фалуньгун стали для Компартии Китая испытательным полигоном для отработки технологий общественного контроля — от создания «Великого китайского файрвола» до внедрения системы социального кредита, регулирующей поведение граждан с помощью цифрового надзора.

Менее чем за 20 лет антикультисты с помощью «Римской формулы» помогли построить в Китае полноценный цифровой тоталитарный режим, о котором не мог мечтать даже Оруэлл. Примерно тот же срок понадобился нацистам в Германии. Механизм остается неизменным. Меняются лишь декорации и технологии. Но цель всегда одна — абсолютная власть, построенная на страхе, крови и полном подавлении души.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разорвать порочный круг

Пока не пришли за тобой

От арен римского Колизея до газовых камер Аушвица, от пламени, пожиравшего ранчо в Уэйко, до леденящих свидетельств о тюрьмах Китая — сквозь дым веков и ужасы современности проступает один и тот же смертоносный код: «Римская формула».

Эта книга показывает: «Римская формула» — не архаика. Это живой, постоянно совершенствуемый механизм уничтожения, который сегодня используют международные антикультовые сети. Организации такие РАЦИРС в России и их аналоги по миру стали идейными наследниками нацистских и иных тоталитарных практик массовой пропаганды. Они переняли не только методы, но и конечную цель: расколоть общество по линии «свой — чужой», подавить инакомыслие и установить контроль над умами и жизнью людей.

На первой фазе — нетерпимости — применяются современные медиа и интернет для конструирования «врага», отравляя общественное сознание страхом и ложью. На второй фазе — дискриминации — псевдоэкспертизы и лоббирование репрессивных законов закрепляют на юридическом уровне статус «нежелательных», превращая людей в изгоев. На третьей фазе — преследовании — это выливается в прямое насилие: погромы, поджоги, разрушение демократических институтов, гражданские и международные конфликты, судьбы невинных.

Механизм создания «врага» универсален и легко адаптируется. Сегодня под ударом — одни движения, завтра — любая группа: партия, этническое меньшинство, журналисты, правозащитники или просто те, чьи взгляды не укладываются в узкие рамки, выставленные идеологами антикультизма. Эта схема работает безотказно, потому что она апеллирует к самым темным и примитивным существам человечества: страху перед чужим, хочет найти простое объяснение сложным проблемам и вечной машине в козле отпущения, на которого можно свалить все беды.

Осознать и научиться распознавать этот шаг — значит сделать первый и самый важный шаг к защите. Защищать не только тех, за кем пришли сегодня, но и себя самого, потому что логика этой машины неумолима. История снова и снова учит

нас, что молчание перед лицом несправедливости, творящейся с другими, — это не нейтралитет, а соучастие. Запущенная цепная реакция неизбежно догонит каждого, кто думает, будто «его это не коснётся».

Сегодня этот код уже запущен и работает в наших обществах прямо сейчас. И остановить его можно, только разорвав порочный круг молчания, безразличия и страха. Нужно называть вещи своими именами: пропаганду — пропагандой, ненависть — ненавистью, а подстрекателей — подстрекателями — независимо от их регалий и масок.

Недаром эти уроки истории обретают особое звучание в словах немецкого пастора Мартина Нимёллера, который после Второй мировой войны открыто признал своё раннее пособничество нацизму и рассказал о том, как в конечном итоге изменил свои взгляды. Его мощные слова о вине и личной ответственности не теряют актуальности и сегодня.

"First they came for the Socialists, and I did not speak out—

Because I was not a Socialist.

Then they came for the Trade Unionists, and I did not speak out—

Because I was not a Trade Unionist.

Then they came for the Jews, and I did not speak out—

Because I was not a Jew.

Then they came for me—and there was no one left to speak for me».

Martin Niemöller ¹¹

«Сначала они пришли за социалистами, и я промолчал — потому что я не был социалистом. Потом они пришли за профсоюзными деятелями, и я промолчал — потому что я не был членом профсоюза. Потом они пришли за евреями, и я промолчал — потому что я не был евреем. А потом они пришли за мной, и уже не осталось никого, кто мог бы заступиться за меня».

Мартин Нимёллер

Источники

1. Echoes of the past: Lessons of the “Roman formula”. (2024, July 25). Actfiles. <https://actfiles.org/echoes-of-the-past-lessons-of-the-roman-formula/>
2. Legal and linguistic analysis of A. L. Dvorkin’s book Sectology. (2025, September 19). Actfiles. <https://actfiles.org/legal-and-linguistic-analysis-of-a-l-dvorkins-book-sectology/>
3. LiveInternet. (2018, 3 июня). РАЦИРС изнутри. <https://www.liveinternet.ru/users/5996050/post435824919>
4. Новая газета. (2024, 25 ноября). Свидетели умирают под следствием. <https://novayagazeta.ru/articles/2024/11/25/svideteli-umiraiut-pod-sledstviem>
5. Независимый психиатрический журнал. (2001). Независимый психиатрический журнал, № 3. Независимая психиатрическая ассоциация России (НПАР). http://www.npar.ru/wp-content/uploads/2016/02/%E2%84%963_2001.pdf
6. Euronews. (2024, May 15). What do we know about Robert Fico’s alleged shooter? <https://www.euronews.com/2024/05/15/what-is-known-about-suspect-allegedly-involved-in-shooting-of-robert-fico>
7. Actfiles.org. (2025, August 28). Expert evaluation as a weapon of terror. <https://actfiles.org/expert-evaluation-as-a-weapon-of-terror/>
8. Релігійно-інформаційна служба України (RISU). (2020, 23 июля). Людмила Филипович: «Если нет свободы вероисповедания, то все остальные свободы не нужны». RISU. https://risu.ua/lyudmila-filipovich-esli-net-svobody-veroispovedaniya-to-vse-ostalnye-svobody-ne-nuzhny_n110468
9. Freedom House. (2017). Falun Gong: Religious freedom in China. <https://freedomhouse.org/report/2017/battle-china-spirit-falun-gong-religious-freedom>
10. European Parliament. (2013, December 12). European Parliament resolution on organ harvesting in China (2013/2981(RSP)). https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2013-0603_EN.html
11. United States Holocaust Memorial Museum. Martin Niemöller: “First they came for...”. Holocaust Encyclopedia. <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/martin-niemoeller-first-they-came-for-the-socialists>
12. U.S. House of Representatives. (2016). H.Res. 343—Expressing concern regarding persistent and credible reports of systematic, state-sanctioned organ harvesting from

non-consenting prisoners of conscience in the People's Republic of China, including large numbers of Falun Gong practitioners and members of other religious and ethnic minority groups (114th Congress). <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-resolution/343>